

МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХАТ
ТАШКЕНТСКАЯ И УЗБЕКИСТАНСКАЯ ЕПАРХИЯ

Восток Свыше

ДУХОВНЫЙ,
ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ С 2001 ГОДА

ВЫПУСК
XXXVIII

№ 3
июль–сентябрь

ТАШКЕНТ
2015

**По благословению
высокопреосвященнейшего
ВИКЕНТИА,
митрополита Ташкентского и Узбекистанского,
главы Среднеазиатского митрополичьего округа**

Главный редактор
Евгений АБДУЛЛАЕВ

Литературный редактор
Лейла ШАХНАЗАРОВА

Редакционный совет
Протоиерей Игорь БАЛУХАТИН
Протоиерей Сергей СТАЦЕНКО
Протоиерей Андрей ТУГУШЕВ
Валерий ГЕРМАНОВ
Татьяна КОТЮКОВА
Роман ДОРОФЕЕВ
Вадим МУРАТХАНОВ
Рубен НАЗАРЬЯН
Екатерина ОЗМИТЕЛЬ
Алексей УСТИМЕНКО
Юрий ФЛЫГИН

На обложках:

Стр. 2: Алексиевский собор Самарканда (С. 14–27).

Стр. 3: сверху вниз: Самаркандское сюзанае нач. XX века. Джизакское сюзанае кон. XIX века. (С. 135–141). Оссуарий из Сарытепа, VI–VII вв., Узбекистан. (С. 131–134).

Восток Свыше. 2015, № 3 (XXXVIII)

© Ташкентское и Узбекистанское Епархиальное управление Русской Православной Церкви
© Журнал «Восток Свыше»

...Посетил нас Восток свыше,
просветить сидящих во тьме и тени смертной,
направить ноги наши на путь мира.

Евангелие от Луки 1, 78-79

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРНЫЙ КАМЕРТОН

Валерий ЧЕРКЕСОВ. Детство. Крещение 5

СООБЩЕНИЯ. СОБЫТИЯ. ДАТЫ

Календарные страницы *главного редактора*

«Откуда начну плакати...» 1275 лет преставления святителя
Андрея, архиепископа Критского (4 июля 740 года) 6

Новостные страницы *иеродиакона Михаила (СТОЛЯРОВА)*

25-летие архиерейской хиротонии, паломничество в Каракол,
новое в огласительных беседах 11

ПРАВОСЛАВНЫЕ ПРИХОДЫ УЗБЕКИСТАНА

Александр ГАЛАК. Алексиевский собор Самарканда 14

ИЗ ИСТОРИИ ЦЕРКВИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Роман ДОРОФЕЕВ. Закат туркестанского обновленчества и миссия
архиепископа Алексия (Палицына) 1943–1944 годов 28

ТУРКЕСТАНОВЕДЕНИЕ

Тема: Парадоксы колониализма

Ульфат АБДУРАСУЛОВ. «Тайны хивинского двора»: политическая
борьба в Хиве в период Российского протектората 38

Татьяна КОТЮКОВА. «Трепещем при мысли остаться в положении
пасынков...» Прошения поволжских татар Туркестанского края ... 57

Александр МОРРИСОН. «Мы не англичане...» К вопросу
об исключительности российского империализма 69

ИСКУССТВО ПАМЯТИ

Виктор МОИСЕЕНКО. Фаришане и парижане. Сырдарьинские этюды ... 79

БИБЛИОТЕКИ, БИБЛИОТЕКАРИ, ЧИТАТЕЛИ

<i>Евгений БЕТТЕР</i> . «Открыть в Ташкенте общественную библиотеку...» Страницы истории Национальной библиотеки Узбекистана имени А. Навои	85
---	----

<i>Наталья СЕЛУЯНОВА</i> . Семейная хроника Селуяновых <i>Публикация О. Илюшкиной</i>	96
--	----

ORIENTALIA

Евангельские истории в произведениях средневековых арабо- мусульманских историков. Из <i>Kitāb at-Ta'riḫ</i> («Книги истории») ал-Йа'куби. <i>Перевод и комментарии</i> <i>Камола ШАНИЯЗОВА</i>	109
--	-----

ОБЩЕСТВО. ЛИТЕРАТУРА. ИСКУССТВО

Размышления над Евангелием: страницы протоиерея <i>Сергия СТАЦЕНКО</i> Отложенное покаяние	115
---	-----

Тема: Поэзия и Вера

«Мое сознание закрыто для неверия...». На вопросы ВС отвечает поэт <i>Борис ХЕРСОНСКИЙ</i>	120
---	-----

Социальные страницы <i>Лилии КАЛАУС</i> Художники, писатели, музыканты – или кощунники, богохульники и святотатцы?	125
--	-----

Литературные страницы <i>Вадима МУРАТХАНОВА</i> История семьи как оправдание «большой» истории	128
---	-----

Тема: Религиозные символы в искусстве Средней Азии

<i>Елена ПОТОРОЧИНА</i> . Изображение скрещенных на груди рук в христианском искусстве раннесредневековой Средней Азии	131
--	-----

<i>Эльмира ГЮЛЬ</i> . Домусульманские символы в узорах сюзане	135
---	-----

Авторы номера	142
----------------------------	-----

Информация для авторов	143
-------------------------------------	-----

Александр МОРРИСОН

«Мы не англичане...»

К вопросу об исключительности российского империализма

Мы не англичане, которые стараются в Индии отнюдь не смешиваться с туземною расою и которые за то, рано или поздно, могут заплатить потерю этой страны, где у них не будет родственных связей; наша сила, напротив, в том и состояла доселе, что мы ассимилировали покоренные народы, дружелюбно сливаясь с ними.

М.И. Венюков. «Поступательное движение России в Средней Азии»¹.

Двойственность русского самосознания – как бы посередине между Европой и Азией – долго зачаровывала историков, пытавшихся понять природу русского империализма. В эпоху, когда расизм и культивация этнических различий становились своего рода оправданием для колониального правления, Российская империя воспринималась как некое исключение. Как видно из вынесенной в эпиграф цитаты, и до 1917 года хватало тех, кто готов был утверждать, что российский империализм отличался терпимостью и стремлением к ассимиляции. В советский период принято было говорить о «великой дружбе» русских с другими народами, что стало одним из основополагающих легитимирующих постулатов советской власти².

Последние двадцать лет стали чем-то вроде «золотого века» в изучении русского империализма. С начала 1990-х как в России, так и на Западе появилось огромное количество работ, позволяющих взглянуть на империю изнутри. Открытие доступа к архивам бывшего СССР дало наконец западным ученым возможность вести серьезные эмпирические исследования российского владычества над нерусским населением.

Но несмотря на это, в российской и западной исторической науке остаются существенные проблемы. В России они часто принимают форму откровенного урапатриотизма, одновременно восхваляющего имперский «героизм» и отрицающего, что Россия когда-либо была колониальной державой в западном понимании этого слова. Любой намек на то, что российский империализм мог иметь что-то общее с империями европейских держав, воспринимается в штыки³. В западной науке, а именно о ней главным образом пойдет речь далее, также укоренилось представле-

ние об *особом пути* России. Некоторые влиятельные западные историки продолжают настаивать на том, что расизм и чувство культурного превосходства были чужды российскому империализму. Отсутствие, по их мнению, политических привилегий для русских, живших на имперских окраинах, указывает на то, что те сами были жертвами своей имперской политики⁴. «Азиатская» география империи также служит аргументом для отличия российской имперской культуры от британской или французской⁵.

Метрополия и колония

В последнее время в западной науке обострился интерес к изучению территориального деления и администрации Российской империи, а также многообразия региональных подходов к управлению⁶. Ярким примером такого интереса стал сборник под редакцией Джейн Бербанк, Марка фон Хагена и Анатолия Ремнева «Российская империя. Пространство, население, власть в 1700–1937 годы», объединивший самые различные точки зрения на народы, земли и иерархические структуры империи⁷. Однако в этом сборнике нет ни одной работы, посвященной Средней Азии. Это серьезное упущение: Туркестан и Степной край нельзя воспринимать как административные аномалии, выпадающие из общероссийской картины. Средняя Азия слишком важна и для позднеимперского восприятия России как колониальной державы, и для исторического опыта крупнейшего религиозного меньшинства империи – мусульман, основная часть которых проживала именно в этом регионе. Иными словами, Средняя Азия просто обязана быть в центре любого анализа российского империализма⁸.

Многие споры по вопросам имперской политики в метрополии в лучшем случае являлись несущественными, а в худшем – вводящими в заблуждение. Исследователи склонны принимать за норму взаимоотношения царского правительства с мусульманами в Поволжье и на Урале и считать, что они – с большими или меньшими отклонениями – воспроизводились в других местах⁹. Типичным примером такого подхода является статья Елены Кэмпбелл о «мусульманском вопросе» в поздней Российской империи¹⁰. Давая адекватное описание позднеимперской полемики вокруг казанских татар, она считает эту ситуацию типичной для империи в целом. В этой работе, сосредоточенной на взглядах, распространенных в Министерстве внутренних дел и среди православных миссионеров, практически полностью игнорируется мнение военных. Однако 60 процентов мусульман империи – в Степном крае, на Северном Кавказе и в Средней Азии – проживали в провинциях под военным управлением. Они не попадали под юрисдикцию «магометанских духовных собраний» Оренбурга, Закавказья или Крыма – конфессиональных структур, которые являются предметом последних исследований, посвященных взаимоотношениям царской России с исламом¹¹. Если существовало нечто, что можно было бы назвать «российским гражданством», то эти мусульмане явно были его лишены.

Безусловно, в России разделение между метрополией и колонией и между подданным и гражданином было гораздо более размыто, чем в Британской и Французской империях (поскольку между метрополией и колониями не было морского

«барьера»). Однако в массовом сознании, равно как в правовом и административном отношении, такое разделение существовало. И в течение XIX века оно становилось все заметнее¹². В середине XIX века в российской политической риторике появилось новое понятие *гражданственности*. Его можно толковать как «гражданство», «гражданские ценности» или «гражданское самосознание»; Владимир Даль определял его как «состояние гражданской общины; понятия и степень образования, необходимые для составления гражданского общества»¹³. В отличие от западного идеала гражданства, это понятие в России не было основано на праве голоса. Оно, как правило, было ориентировано на консолидацию, отмену налогообложения по сословному принципу, унификацию управления и ограничение привилегий местных (как правило, нерусских) элит. На практике *гражданственность* нередко использовалась как ограничительная категория и вела к дискриминации народностей, считавшихся ниже по уровню культурного развития¹⁴. Тем более что границы империи расширялись с беспрецедентной скоростью и в ее состав вливались новые народности, воспринимавшиеся как еще более далекие от достижения *гражданственности*, чем те, которые традиционно ее населяли.

Один из аспектов реформ Александра II, о котором нередко забывают, заключается в том, что они «зафиксировали», так сказать, сердцевину, метрополию Российской империи и различие между управлением русским и нерусским населением. Земство, введенное указом от 1 января 1864 года, не распространялось на окраины Российской империи. Прибалтика, правобережная Украина, Астрахань, Архангельск, Сибирь, Кавказ и Средняя Азия не были затронуты этой реформой, и для трех последних регионов такая ситуация сохранялась до 1917 года. Как показали Йорг Баберовски и Лариса Захарова, это справедливо и для наиболее, может быть, радикальной из александровских реформ – реформы судебной системы. Учреждение новых открытых, состязательных судов с их выборными судьями и институтом присяжных было ограничено центральными регионами европейской части России; однако даже здесь в состав присяжных крайне редко попадали «иноверцы» и «инородцы». Если на западные приграничные районы и Прибалтику реформы не распространялись из опасения местного национализма, то на Кавказе, в Туркестане и в Степном крае основанием для сохранения прежних форм правосудия послужила «дикость» и «отсталость» этих регионов¹⁵. Такое деление еще более усугубляло разделение на «Великороссию» и окружающую «империю»¹⁶.

Великие реформы также постепенно подрывали статус мусульманских элит внутри империи. Князь А.И. Барятинский, принесший России победы на Кавказе, считал традиционную российскую политику опоры на местную аристократию и племенных вождей глубоко ошибочной. Он полагал, что именно эти группы раздувают «фанатизм» среди местного населения на Кавказе. Соответственно, с 1850-х годов кавказские элиты начали терять свои привилегии и роль в управлении¹⁷. В других регионах подобный процесс начался еще раньше. С 1820-х годов российская политика в Степи постепенно подрывала авторитет правящей элиты Чингизидов среди казахов, и новое Степное Положение 1868 года только закрепило эту ситуацию.

Местная мусульманская аристократия перестала вливаться в российское дворянство на равных правах, как это происходило с германо-балтийской, грузинской и,

в какой-то мере, с польской аристократией. В 1897 году различные среднеазиатские народности составляли 5,8% от населения империи, но давали лишь 0,15% потомственных дворян. Это были, главным образом, степные казахи, большинство из них – потомки султанов Внутренней, Средней и Букеевской Орды, чьи семьи получили свои привилегии в XVIII веке, вместе с российским подданством. Тем не менее, даже в Степном крае русских, польских и немецких дворян было почти в пять раз больше, чем казахских, несмотря на то, что казахи составляли 77% населения края. В Туркестане контраст был еще ярче. Русскоязычные народы составляли 3% населения, но 79% от потомственного дворянства. Остальные были, в основном, немцами или поляками: только 119 казахов (0,01% от всего казахского населения Туркестана), два киргиза, один «сарт», три узбека и пять таджиков являлись потомственными дворянами, и еще 53 носителя какого-либо из этих языков имели пожизненный дворянский статус¹⁸.

Таким образом, вместо того, чтобы укреплять сложившуюся социальную иерархию путем предоставления дворянских привилегий, империя сформулировала новую политику, направленную на отделение массы коренного населения от их традиционных правителей и введение институтов местного самоуправления. Эти институты и должны были постепенно воспитывать у жителей колоний «гражданственность» (предполагаемое отсутствие каковой и служило оправданием для нераспространения гражданского правления и земства на азиатскую Россию, находившуюся под военным управлением).

Разделение между военным и гражданским правлением, между земскими и не земскими провинциями не означало такого же различия в правах между метрополией и колониями, какое существовало в Британии после Акта о реформе 1867 года и во Франции после образования Третьей республики. И все же разделение существовало, хотя историки нередко о нем забывают. Переход из местных элит в высшие эшелоны государственной бюрократии, который отмечает в своей работе Джейн Бербанк, был невозможен в районах под военным управлением». «Военно-народное управление» зиждилось на четком разделении между высшей (европейской) администрацией и более «низкими» туземными властями; в большинстве случаев «особое отношение к инородцам посредством отдельных правовых норм и правил» не «вполне соответствовало управлению, предназначенному для этнических русских»¹⁹.

Подобным же образом была обречена на неудачу и попытка Роберта Круза дать общий обзор отношений мусульман с Российским государством в XIX веке²⁰: исследователь не учел глубокие различия между административными и судебными структурами в Волго-Уральском регионе и в Средней Азии. Казанские мусульмане были полноценными подданными российского государства, они несли воинскую повинность, имели доступ к суду присяжных, земству и к Оренбургскому духовному собранию. Даже соседние башкиры находились в менее привилегированном положении, хотя у них было свое поместное дворянство, сохранившее целый ряд важных прав и привилегий. Ни о казахах, ни о жителях Ташкента ничего подобного не скажешь.

Норихиро Наганава приводит убедительный пример того, во что на практике выливались такие различия между мусульманами Волго-Уральского региона и Туркестана. Он описывает долгие споры среди поволжских мусульман в конце XIX – на-

чале XX веков по поводу того, должна ли существующая сеть традиционных и новых *мактабов* подчиниться земству и стать частью национального движения за всеобщее начальное образование. В Туркестане, как отмечает исследователь, подобные споры были невозможны. Земства здесь не было, и вся система мусульманских школ полностью выпадала из-под контроля государства²¹.

Это значит, что мы должны с большой осторожностью подходить к самой идее общего «мусульманского» опыта российского империализма. Всякая попытка составить общее представление о политике в отношении мусульман должна учитывать опыт регионов под военным управлением, в частности Средней Азии и Кавказа.

«Мусульманский фанатизм» и ориентализм

В середине XIX века отношение российских властей к исламу радикально изменилось. Отчасти это произошло в связи с растущим числом перехода волжских татар из православия в ислам, но главным образом – из-за упорного сопротивления на Северном Кавказе, вдохновителем которого, как считалось, были накшбандистские ишаны. Мнение это было, вероятно, ошибочным, но оно породило представление об опасности, исходящей от последователей суфизма («мюридизма»)²². Эти подозрения распространились на всех прочих мусульман. Идея просвещенного, поликонфессионального государства начала уступать великодержавному национализму, страху перед мусульманским «фанатизмом» и пессимизму в отношении перспективы интеграции мусульман в имперское общество. Такая перемена ясно прослеживается в решении, принятом в 1867 году первым генерал-губернатором русского Туркестана К.П. фон Кауфманом, исключить новозавоеванную провинцию из юрисдикции оренбургского муфтия и ввести политику «игнорирования» ислама. Фон Кауфман считал, что такой подход и превосходство западной цивилизации со временем убедят мусульман оставить свою веру²³.

Парадокс заключается в том, что колониальные власти в Туркестане не предпринимали никаких активных шагов для ослабления ислама, хотя из письменных источников видно, как им этого хотелось²⁴. Обращение мусульман в христианство было запрещено, вакуфная собственность лишь изредка подвергалась конфискации и в значительной степени не облагалась налогом, суды *кадиев* сохранились. Такие явления объяснялись, скорее, страхом перед тем, что колониальные власти именовали «мусульманским фанатизмом», чем верой в полезность ислама как инструмента в руках государства²⁵. Этот страх подогревался полемическими публикациями М.А. Миропиева и, позднее, Агафангела Крымского. Они утверждали, что расовые особенности российских мусульман, особенно тюрков, обуславливали их склонность к «фанатизму»²⁶.

Настойчивое изображение мусульман как «фанатиков» в российской имперской риторике развенчивает романтический миф о паназиатском родстве русских с завоеванными ими азиатскими народами и заставляет усомниться также в советских и постсоветских постулатах о «дружбе» и терпимости. Это означает, что Россия, как и любая другая европейская империя, может описываться с использованием идей и приемов *постколониализма*²⁷.

Как часто бывает с научным жаргоном, этот термин чаще используется, чем разъяс-

няется. В широком смысле понятие постколониализма позволяет выявить неравномерные силовые отношения, присущие империи, а также рассмотреть и объяснить, каким образом эти отношения помогли сформировать картину мира и то, как в ней представлены отдельные народы и культуры. Как правило, такой подход предполагает жесткую моральную и политическую критику колониализма и его наследия. Раньше эта критика была сосредоточена на европейском морском колониализме XIX века и до недавнего времени редко распространялась на сухопутные империи. Системы власти и гегемонии, которые рассматривают исследователи постколониализма, не исчезают с наступлением формальной независимости колонизованных регионов, но продолжают существовать в экономическом и, в первую очередь, культурном пространстве. Риторика, помогавшая строить и поддерживать империю, – особенно там, где она подчеркивает расовую, религиозную и культурную неполноценность колонизованных народов, их пассивность, лень, распущенность и общую неспособность к самоуправлению, – продолжала существовать еще долгое время после исчезновения самой империи.

Светлана Горшенина, несомненно, права, считая, что позднее проникновение постколониализма в историографию Российской империи привело к тому, что некоторые ученые по-прежнему придерживаются взгляда на Россию как неколониальную державу, в силу ее тенденции к ассимиляции²⁸. В последнее время шло немало споров о применении теорий «ориентализма» и «колониальных форм знания» к Российской империи. С одной стороны, в настоящий момент работы большинства западных историков в той или иной степени отмечены печатью постколониализма, поскольку они пытаются избежать воспроизведения риторики и точки зрения колониальных элит. В том, что касается Российской империи, работы, где прослеживается влияние постколониализма, стали появляться в середине девяностых²⁹. Однако многие положения постколониальной теории оказались слишком примитивными и жесткими для того, чтобы охватить сложные реалии даже «нормативных» морских колониальных империй. А применение их к российскому случаю представляется еще более проблематичным. Сам Эдвард Саид*, как отметил Адиб Халид, исключил Россию из своего анализа западного «ориентализма»³⁰. Постколониализм не дает исчерпывающего ответа на вопросы историографии Российской империи, и его адептов часто и справедливо упрекают в пренебрежении к эмпирическим исследованиям, в тенденции рассматривать науку только как инструмент политики. Одна из причин этого, как отметила Вера Тольц, заключается в том, что большинство исследований на эту тему либо слепо прилагали идеи Саида к России, либо утверждали особый путь России и ее статус «евразийской», а не европейской державы (что означает, что идеи Саида вовсе не применимы к Российской империи)³¹. Например, Давид Схиммельпенник ван дер Ойе считает, что российское отношение к Азии отличалось двойственностью и никогда не было последовательно враждебным, и, следовательно, парадигма Саида не полностью применима к Рос-

* Эдвард Вади Саид (1935–2003) – американский ученый арабского происхождения. Речь идет о самом известном его труде «Ориентализм» (*Said E.W. Orientalism*. L.: Penguin Books, 1995. Русский перевод: Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока / Пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Русский Мир, 2006). Эта книга посвящена истории познания и освоения европейцами культуры арабского Востока – от первых контактов до формирования систематической научной традиции изучения культур Востока, которая подкрепляется мощной политической и экономической практикой колониального освоения со стороны ведущих европейских империй. Эту традицию Саид и называл ориентализмом, имея в виду не просто наименование академической дисциплины, но и особый подход к предмету изучения, воплощенный в позиции одной цивилизации (европейской) по отношению к другой (арабско-исламской). (Прим. ВС.)

сии. Однако то же можно сказать и о британском, французском и немецком ориентализме. Один из основных недостатков работы Саида, не считая исключения из поля исследования Германии и России, как раз и заключается в том, что он рассматривал западную культуру как монолитную структуру; однако ничего подобного в Европе никогда не было.

Эдвард Саид писал, что «ориентализм» находится «вне Востока», и считал, что для «ориенталистической» науки характерно четкое разделение между собой и другими. В частности, это отражалось в том, что «восточные люди» не допускались к наукотворчеству, так что их история, языки и культура были воспроизведены и присвоены западными властями в собственных целях³². В ответ на это историки Российской империи указывают на Мирзу Александра Казем-Бека, перса из Решта, принявшего христианство и ставшего профессором арабского и исламского права в Казанском университете³³, или на еще более известного Чокана Валиханова, казахского аристократа, чьи работы стали в России эталоном литературы о Степном крае. Эти примеры, как утверждает Натаниэль Найт, показывают отличие российского ориентализма от его западного аналога³⁴. Однако подобные примеры можно найти и в Британской империи. Первые годы гиббсовской серии востоковедческих текстов отмечены сотрудничеством Эдварда Гранвиля Брауна и персидского ученого Мирзы Мухаммада Казвини³⁵. Недавняя работа Майкла Додсона, посвященная Государственному колледжу по изучению санскрита в Бенаресе, показала, что научные исследования колледжа были плодом диалога между британскими санскритистами и учеными брахманами. Причем последние играли в них главенствующую роль, хотя их цели и интересы часто кардинально отличались от целей и интересов британцев³⁶. Если внимательно посмотреть на членство и публикации такого чисто ориенталистического института, как Азиатское общество Бенгалии, возникает картина, сильно отличающаяся от той, которую рисует Саид. К началу XX века это было столь же бенгальское, сколь и британское учреждение³⁷.

Вера Тольц настаивает на необходимости четко различать отдельные типы «экспертов»-ориенталистов, служивших в Российской империи. По ее мнению, разница в отношении к мусульманским народам у В.В. Григорьева и Н.П. Остроумова (востоковеда, тесно сотрудничавшего с колониальным режимом в Туркестане) отчасти объясняется тем, что один учился на факультете востоковедения в Петербургском университете, а другой – выпускник противомусульманского отделения при Казанской духовной академии³⁸. Даже и в этом случае следует отметить (как Найт, в сущности, и делает), что Григорьев также был враждебно настроен по отношению к исламу. Но, как мне кажется, суть не в этом. Востоковеды с «ориенталистическими» взглядами встречаются и среди университетских ученых (прекрасный пример тому – А. Крымский), а Н.С. Лыкошин*, напротив, не имел подобных предубеждений, несмотря на исключительно военное образование. Гораздо важнее была степень взаимопроникновения мира науки и колониального управления. Как отмечает Джефф Сахадео, в отдаленных приграничных районах интеллигенции легче было видеть в царском правительстве «силу прогресса». Благодаря этому, а нередко – и большей, нежели в метрополии, интеллектуальной свободе, государственная служба часто привлекала

* Нил Сергеевич Лыкошин (1860–1922) после окончания военного училища долгие годы провел в Туркестане, где дослужился до звания генерал-майора и должности Самаркандского военного губернатора. Вышел в отставку в январе 1917 г. Лыкошин был одним из основателей Туркестанского кружка любителей археологии, автором почти тысячи публикаций по этнографии, истории, археологии Средней Азии, переводчиком средневековых сочинений. (Прим. ВС.)

ученых³⁹. В библиографическом словаре «Военные востоковеды» М.К. Бакшанова перечислены 450 военных офицеров и администраторов, внесших свой вклад в российское востоковедение. Конечно, некоторые из этих работ – как, например, работы самого фон Кауфмана – представляют сомнительную интеллектуальную ценность. Но были среди этих людей и такие выдающиеся ученые, как Лыкошин и Наливкин.

У этого явления есть параллели в западном востоковедении: Ричард Бертон начал свою карьеру как офицер в Бомбейской армии, Снук Гюрхронье служил советником правительства голландской Ост-Индии, а Гертруда Белл* была тесно связана с британским мандатом в Ираке. Во время Первой мировой войны Бюро по арабским делам, координировавшее британскую разведку на Ближнем Востоке, также насчитывало в своих рядах немало ученых. Но степень взаимопроникновения науки и колониального управления, во всяком случае, была выше в Российской империи. Как показал Александр Маршалл, в России, как и в Великобритании, мир военной разведки тесно переплетался с востоковедением. Ярким примером этого является карьера Андрея Евгеньевича Снесарева. Штабной офицер, большую часть своей службы до революции он провел в Ташкенте, где писал о Британской Индии; отредактировал сборник статей, имеющий целью дать местным офицерам подробное представление о южно-азиатских границах империи⁴⁰. В советский период Снесарев возглавил Институт востоковедения в Москве⁴¹. Таким образом, идеи Эдварда Саида вполне применимы к Российской империи, но к ним необходимо подходить критически, не забывая и о сравнении с другими империями.

Дискуссия о положении мусульман в Российской империи должна пойти дальше исследования вопросов национального самосознания, религиозной реформы, «ориентализма» и прочих аспектов культурной истории, доминировавших в западной историографии Средней Азии и Кавказа на протяжении последних двадцати лет. То, что иногда называют «новой имперской историей» России и Евразии, страдает близорукостью, когда речь заходит о более традиционных вопросах экономических и социальных перемен, может быть, из-за чрезмерной реакции на материалистический подход советской историографии. Более тридцати лет спустя после своей публикации, работа Дитриха Гейера «Российский империализм»⁴² остается единственной систематической попыткой экономического анализа этого феномена в западной науке. Большой доступ к архивным источникам дает возможность проверки тезисов Гейера, но в этом направлении пока сделано очень мало (в чем автор этих строк, конечно, виноват не меньше других). Политическая и культурная история российского империализма на Кавказе и в Средней Азии по степени разработанности ныне не уступает историографии любой другой империи и даже нередко превосходит ее. Однако когда речь заходит об экономических стимулах имперской экспансии (или об отсутствии таковых), о роли империализма в распространении международного капитализма и его воздействии на сельское хозяйство, ирригацию, землевладение, – англоязычным историкам Российской империи предстоит еще многому учиться.

Перевод с английского Ольги Берард.

* Ричард Фрэнсис Бертон (Richard Francis Burton, 1821–1890) – британский путешественник, писатель, переводчик, этнограф и лингвист. Христиан Снук Гюрхронье (Christiaan Snouck Hurgronje, 1858–1936) – нидерландский ориенталист и путешественник. Гертруда Белл (Gertrude Bell; 1868–1926) – британская писательница, путешественница и археолог. (Прим. ВС.)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эта статья включает фрагменты следующих публикаций на английском языке: *Metropole, Colony and Imperial Citizenship in the Russian Empire* // *Kritika*. 2012. № 13/2. P. 327–364; *The Pleasures and pitfalls of colonial comparisons* // *Kritika*. 2012. № 13/4. P. 919–936; «Applied Orientalism» in British India and Tsarist Turkestan // *Comparative Studies in Society and History*. 2009. № 51/3. P. 619–647.

Венюков М. Поступательное движение России в Средней Азии // *Сборник государственных знаний*. Том III. Под ред. В.П. Безобразова. – СПб.: Тип. В. Безобразова, 1877. С. 61.

² См.: *Tillett L.* The Great Friendship. Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities. – Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1969.

³ См., к примеру: *Глуценко Е.* Герой Империи. Портреты российских колониальных деятелей. – М.: XXI век, 2001; *Стрижова И., Терехова Н.* Россия и ее колонии. Как Грузия, Украина, Молдавия, Прибалтика и Средняя Азия вошли в состав России. – М.: Дар, 2007, а также очерки С. Тимченко и В. Германова, посвященные, соответственно, современной казахской и узбекской историографии, в: *Центральная Азия в составе Российской империи*. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 338–381.

⁴ См.: *Hosking G.* Russia, People and Empire, 1558–1917. – London: HarperCollins, 1997. P. 39–40; *Figes O.* Natasha's Dance. A Cultural History of Russia. – Harmondsworth: Allen Lane, 2002. P. 381–382.

⁵ См.: *Bassin M.* Geographies of Imperial Identity // *Lieven D.* (ed.) *Cambridge History of Russia*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. Vol. II. P. 60–63.

⁶ См.: *Lieven D.* Empire: the Russian empire and its rivals. – London: John Murray, 2000; *Matsuzato K.* Introduction // *Matsuzato K.* (ed.) *Imperiology: From Empirical Knowledge to Discussing the Russian Empire*. – Sapporo: Slavic Research Centre, 2007. P. 12–13.

⁷ *Burbank J., von Hagen M., Remnev A.* (eds.). *Russian Empire. Space, People, Power 1700–1930*. – Bloomington, IN: Indiana University Press, 2007.

⁸ Лучшее всего заполнил этот пробел сборник: *Uyama T.* (ed.) *Empire, Islam and Politics in Central Eurasia*. – Sapporo: Slavic Research Centre, 2007.

⁹ См.: *Crews R.* For Prophet and Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006; *Он же.* An Empire for the Faithful, a Colony for the dispossessed // *Gorshenina S., Abashin S.* (eds.). *Le Turkestan Russe, un colonie comme les autres? Cahiers d'Asie Centrale* 17/18, Tashkent–Paris: IFEAC, 2009. P. 82–83.

¹⁰ *Campbell E.* The Muslim Question in Late Imperial Russia // *Burbank J., von Hagen M., Remnev A.* (eds.). *Russian Empire...* P. 320–347.

¹¹ См.: *Bobrovnikov V.* Islam in the Russian Empire // *Cambridge History of Russia*. Vol. II. P. 210–217; Пропорция рассчитана на основании данных переписи 1897 года, приведенных в: *Kappeler A.* *The Russian Empire: a multi-ethnic history*. – London: Longmans, 2001. P. 397–399.

¹² См.: *Kotsonis Y.* Introduction: A Modern paradox – Subject and Citizen in Nineteenth and Twentieth-Century Russia // *Hoffmann D.L., Kotsonis Y.* (eds.). *Russian Modernity Politics,*

Knowledge, Practices. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2000. P. 3.

¹³ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. – СПб.: Тип. М.О. Вольфа, 1880. Т. I. С. 390.

¹⁴ См.: *Uyama T.* A Particularist Empire: The Russian Policies of Christianization and Military Conscriptation in Central Asia // *Uyama T.* (ed.) *Empire, Islam and Politics...* P. 62.

¹⁵ См.: *Баберовски А.* Autokratie und Justiz. Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im ausgehenden Zarenreich 1864–1914. – Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1996. S. 365–427; *Zakharova L.* Autocracy and the Reforms of 1861–74 in Russia // *Eklöf B.* et al. (eds.). *Russia's Great Reforms*. – Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1994. P. 33.

¹⁶ Документ о земстве и о законодательной реформе правосудия перепечатаны в: *Реформы Александра II* / Под ред. О.И. Чистякова и Т.Е. Новицкой. – М.: Юридическая литература, 1998. С. 211–230, 277–336, но без преамбулы, указывающей, в каких провинциях они должны были применяться. На с. 21 редакторы отмечают исключение западных провинций из опасения национализма, но не говорят об исключении большинства регионов с кочевым или мусульманским населением.

¹⁷ См.: *Бобровников В.* Абречество на пореформенном Кавказе // *Исторические записки*. 2001. Т. 4 (122). С. 174–175; *Mostashari F.* On the Religious Frontier. Tsarist Russia and Islam in the Caucasus. – London: I.B. Tauris, 2006. P. 21, 27, 83–4; *Гасанов М.* Административная политика и система управления царизма в Дагестане во второй половине XIX века. – Махачкала: Лотос, 2007. С. 31–33.

¹⁸ *Bauer H.* et al. (eds.). *Die Nationalitäten des Russischen Reiches in der Volkszählung von 1897*. – Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1991. Vol. B. Таблицы 30 и 46. S. 197, 366–367.

¹⁹ *Burbank J.* The Rights of Difference: Law and Citizenship in the Russian Empire // *Stoler A.L.* et al. (eds.). *Imperial Formations*. – Santa Fe; Oxford: School for Advanced Research, 2007. P. 81, 93–94.

²⁰ *Crews R.* For Prophet and Tsar... – Chapter 5.

²¹ См.: *Naganawa N.* Maktab or School? Introduction of Universal Primary Education among the Volga-Ural Muslims // *Uyama T.* (ed.) *Empire, Islam and Politics...* – P. 65–97.

²² См.: *Кныш А.* Sufism as an Explanatory Paradigm // *Die Welt des Islams*. 2002. № 42/2. P. 139–173.

²³ Проект Всеподданнейшего Отчета Ген.-Адъютанта фон-Кауфмана по Гражданскому Управлению. – СПб.: Военная Тип., 1885. С. 10. См. также: *Khalid A.* The Politics of Muslim Cultural Reform. – Berkeley, CA: University of California Press, 1998. P. 51–53.

²⁴ См. к примеру, *Костенко Л.Ф.* Средняя Азия и водворение в ней Русской Гражданственности. – СПб.: Тип. В. Безобразова, 1871. С. 85.

²⁵ Р. Круз (*Crews R.* For Prophet and Tsar... P. 296–316) ясно описывает изменение российского отношения к исламу в середине века, но никак не связывает этого с Кавказом и не учитывает его в своей оценке колониального режима в Туркестане.

²⁶ См.: *Мирониев М.А.* Религиозное и политическое значение хаджа. – Казань: Тип. Имп. Унив., 1877; *Он же.* О положении русских инородцев. – СПб.: Синодальная тип., 1901; *Крымский А.Е.* Мусульманство и его будущность. – М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1899.

²⁷ О теории постколониализма – см., помимо *Said E.* *Orientalism. Western Representations of the Orient* (London: Allen Lane, 1978), некоторые из ключевых текстов: *Spivak G.Ch.* *Can the Subaltern Speak?* // Nelson C., Grossberg L. (ed.). *Marxism and the Interpretation of Culture.* – Urbana, IL: University of Illinois Press, 1988. P. 271–313; *Cohn B.* *Colonialism and its forms of knowledge. The British in India.* – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1996.

²⁸ См.: *Gorshenina S.* *La marginalité du Turkestan colonial russe est-elle une fatalité ou l'Asie centrale postsoviétique entrera-t-elle dans le champ des Post-Studies?* // Gorshenina S., Abashin S. (eds.). *Le Turkestan Russe...* P. 17–76; *Она же.* Извечна ли маргинальность русского колониального Туркестана, или Войдет ли постсоветская Средняя Азия в область post-исследований? // *Ab Imperio*, 2007, № 2. С. 209–258.

²⁹ Я бы особо отметил: *Khalid A.* *The Politics of Muslim Cultural Reform. Jadidism in Central Asia.* – Berkeley, CA: University of California Press, 1997 и *Sahadeo G.* *Russian Colonial Society in Tashkent 1865–1923.* – Bloomington, IN: Indiana University Press, 2007. См. полемику между Адибом Халидом, Натаниэлем Найтом и Марией Тодоровой о применении «Ориентализма» Саида к России в *Ex Tempore – Orientalism // Kritika*. 2000. № 1/4. P. 691–727.

³⁰ См.: *Khalid A.* *Russian History and the Debate over Orientalism // Kritika*. 2000. № 1/4. P. 694–695.

³¹ См.: *Tolz V.* *Orientalism, Nationalism and Ethnic Diversity in Late Imperial Russia // The Historical Journal*. 2005. № 48/1. P. 129–131.

³² *Said E.* *Orientalism...* – P. 21, 97.

³³ См.: *Ван дер Ойе Д.С.* Мирза Казем-Бек и Казанская школа востоковедения // *Новая имперская история постсоветского пространства.* Под ред. И. Герасимова. – Казань: Центр исследований национализма и империи, 2004. С. 256–269.

³⁴ См.: *Knight N.* *Grigor'ev in Orenburg, 1851–1862: Russian Orientalism in the Service of Empire?* // *Slavic Review*. 2000. № 1 (59). P. 96.

³⁵ Кульминацией этого сотрудничества стало эпохальное издание текста *Ta'rikh-e Jahan-Gusha* Джувайни, под редакцией Казвини, первый том которого вышел в 1912 г. (*Mirza Muhammad Ibn 'Abdu'l-Wahhab-i-Qazvini* (ed.). *The Ta'rikh-i-Jahan-gusha*. 3 Vols. – London: Luzacs & Co, 1912–1937.

³⁶ См.: *Dodson M.* *Orientalism, Empire and National Culture.* – Basingstoke: Palgrave, 2007. P. 184–192.

³⁷ См.: *Morrison A.* “Applied Orientalism” in British India and Tsarist Turkestan // *Comparative Studies in Society and History*. 2009. № 3 (51). P. 619–647.

³⁸ См.: *Tolz V.* *Orientalism, Nationalism...* P. 130–131.

³⁹ См.: *Sahadeo G.* *Russian Colonial Society...* P. 58–59.

⁴⁰ *Снекарев А.Е.* Северо-Индийский театр. Военно-географическое описание. В 2-х тт. – Ташкент: Типография штаба Туркестанского военного округа, 1903; *Он же.* Индия как главный фактор в Средне-Азиатском вопросе. – СПб.: Тип. А. Суворина, 1906, и др.

⁴¹ См.: *Marshall A.* *The Russian General Staff and Asia.* – London: Routledge, 2006. P. 154–158, 192.

⁴² *Geyer D.* *Der Russische Imperialismus. Studien über der Zusammenhang von innerer und auswärtiger Politik 1860–1914.* – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1977.